

Бай Минси, сняв верхнюю одежду, лежал на плаще Мо Чжисюаня. Его белая кожа была изуродована ужасными ранами, похожими на цветы маньчжурского ясеня.

— Сможешь вытерпеть?

— Ты что, шутишь? Я же мужчина, как я могу не выдержать такую мелочь? И кроме того... Ты же здесь, мне нечего бояться, — юноша, не оборачиваясь, провел рукой по качественной ткани и усмехнулся.

— Ну тогда я не буду церемониться, — Мо Чжисюань бросил взгляд на юношу и с невозмутимым видом пошутил.

— Сяньцзюнь, эти слова... Ссс...

Рядом Мо Чжисюань уже начал зашивать обработанную рану, и боль заставила брови юноши сжаться. Его рука, сжимавшая плащ, была напряжена до белизны костяшек, что вызывало сочувствие.

— Помедленнее? Если больно, кричи.

— Ничего страшного. Кстати, где мы сейчас находимся? Похоже, это крестьянский дом? — юноша втянул воздух, стараясь контролировать дрожь в голосе, но все же спокойно продолжал разговор.

— Это место, где тот «даос» держит пленников, — Мо Чжисюань, стараясь быть как можно аккуратнее, зашивал рану, наблюдая за тем, как Бай Минси изображает храбрость.

Вдруг ему что-то пришло в голову, и Мо Чжисюань потянулся к дрожащей талии юноши. Холодное прикосновение заставило Бай Минси вздрогнуть.

— Сяньцзюнь, ты что, решил воспользоваться моментом и приставать ко мне?

— Тогда скажи мне, что это? — с этими словами Мо Чжисюань показал Бай Минси Флейту Пустого Звука с выгравированными иероглифами «Минси».

— Эээ...

— Когда ты украл это у меня? И кто разрешил тебе выгравировать на ней свое имя? Ты знаешь... — осознав, что чуть не выдал секрет, Мо Чжисюань замолчал, лишь сердито уставившись на лежащего перед ним жалкого лиса.

— А? Знать что?

Бай Минси смотрел на человека перед собой. Его изящное лицо и скрытные глаза, как глубокий омут, были непостижимы, невозможно было понять, что он думает.

Через несколько дней они закончат это дело и разойдутся. На какие же пейзажи будут смотреть эти холодные глаза?

Смотря в эти чистые, лишённые всяких эмоций глаза, Бай Минси увидел в них свое отражение и почувствовал странное, но приятное чувство.

Прошло некоторое время, прежде чем он, глядя в эти глаза, тихо спросил:

— Сяньцзюнь, знаешь ли ты значение этой фразы: «Однажды увидев море, трудно восхищаться реками, а увидев горы Ушань, другие горы кажутся облаками»?

Мо Чжисюань, обрабатывающий рану Бай Минси, услышав это, слегка опустил веки.

Хотя он презирал власть и путь небожителей, он не мог не вспомнить разговор со старцами своего клана.

Потому что содержание того разговора касалось жизни человека перед ним, подобного нефриту.

Старший Юэхуа сказал ему, что жизнь Бай Минси будет омрачена великим испытанием. Если он преодолеет его, то станет великим бессмертным, чье имя будет греметь по всему миру.

Но если он не справится, то навсегда погрузится во тьму и не сможет вернуться.

И он, Мо Чжисюань, был неотъемлемой частью этого испытания, хотя пока было неизвестно, какую роль он сыграет.

Поэтому он старался держаться на расстоянии от Бай Минси. Поскольку его роль была неясна, лучше было держаться подальше, чтобы не навредить ему.

Потому что он не мог вынести потери его, ведь он был важнее его самого!

— О чем думаешь?

Холодный голос вернул Мо Чжисюаня к реальности.

Мо Чжисюань моргнул, сохраняя ледяное выражение лица:

— О твоих словах.

— Что я говорил? — с любопытством спросил Бай Минси. — Я не помню, чтобы говорил что-то особенное. Ну, разве что много болтал с Мо Чжисюанем. Эх... Что же это было?

— Откройте дверь!

Голос снаружи прервал тихие слова Мо Чжисюаня.

К этому моменту рана была зашита, и Бай Минси с Мо Чжисюанем поднялись, чтобы привести себя в порядок.

Дверь открыл мальчик, за которым стоял тот самый даос, который несколько раз пытался схватить их.

Бай Минси слегка поднял взгляд и, как обычно, улыбнулся:

— Ты пришел пригласить нас на обед?

— Ха-ха-ха, ха-ха-ха-ха! — даос залился смехом, затем прищурился и злобно посмотрел на Бай Минси и Мо Чжисюаня. — Пригласить вас на последний обед перед смертью, как насчет этого? Не ожидал, что на этот раз мне так повезет — поймать тысячелетнего лиса и могущественного небожителя. Похоже, мой план можно осуществить уже сегодня.

Услышав это, Мо Чжисюань наконец внимательно посмотрел на даоса:

— Почему бы тебе не показать свою истинную форму? Разве не невежливо говорить с трупом? Я не хочу разговаривать с мертвецом.

— Как ты узнал? — даос вздрогнул, резко оттолкнул мальчика перед собой и схватил Мо Чжисюаня за воротник.

— Потому что только у мертвецов не двигаются глаза и не моргают веки, это признаки трупа!
— Мо Чжисюань отступил на три шага, поправил свой воротник и спокойно ответил.

Услышав ответ Мо Чжисюаня, даос сначала замер, затем его черные глаза стали острыми и холодными, губы сжались, и он пристально посмотрел на Мо Чжисюаня:

— Знаешь и что? Вы скоро отдадите свои жизни и свои духовные ядра, как и те смешные крестьяне. Ха, после этой ночи я смогу осуществить свой план.

— Да? Так это ты устроил все это в деревне?

Бай Минси протянул руку и поиграл с прядью черных волос Мо Чжисюаня. Его легкий тон был словно шутка с другом, а также попытка разобраться в ситуации.

— Что ты можешь сделать? — в глазах даоса вспыхнула ярость.

— О, ничего не могу сделать. Просто интересуюсь. Не хочу умирать в неведении, — усмехнулся про себя Бай Минси. «Ха, ты что, думаешь, я дурак? Кто же признается, что уже давно планировал против тебя!»

Бай Минси и Мо Чжисюань были схвачены четырьмя мальчиками с оружием и приведены на площадь.

Там собрались все жители деревни.

В центре стоял жертвенный стол, перед ним — три кровати, за которыми возвышался алтарь, а дальше простиралось большое озеро.

На самой левой кровати был привязан израненный мужчина.

Похоже, это был тот самый монах, который кричал о помощи той ночью.

Бай Минси без сопротивления лег на среднюю кровать и, повернув голову, спросил:

— Эй, брат, ты знаешь, что здесь происходит?

Израненный мужчина посмотрел на Бай Минси и, увидев его красивое лицо, заплакал:

— Господин, это снова вы? Какое совпадение, похоже, сегодня мы умрем вместе, ууу... Жаль, я еще не...

«Подожди, когда я тебя видел?»

— Это тот самый монах из чайной, который говорил, что знает о твоей склонности к мужской любви, — вовремя пояснил Мо Чжисюань.

Бай Минси поднял бровь в сторону Мо Чжисюаня:

— Слушай, ты что, запомнил его? Неужели он тебе интересен?

Мо Чжисюань молча отвернулся.

Он просто не мог понять, как Бай Минси может шутить в такой момент.

Монах наконец перестал плакать и, всхлипывая, рассказал все, что знал.

— Жители этой деревни уже много лет назад попали под проклятие. Достигнув определенного возраста, их тела начинают покрываться дырами разного размера и количества. Когда дыры покрывают все тело, человек умирает. А этот даос пришел, чтобы помочь им избавиться от страданий! Проклятие нельзя снять, но можно отрезать некоторые части тела, чтобы ослабить его. Или же можно перенести проклятие на другого человека, но тот, на кого перенесут проклятие, умрет.

— Проклятие? — Бай Минси нахмурился. — А мы тогда что?

Монах вытер слезы и сопли и с глубокой печалью ответил:

— Конечно, нас используют как жертвенных сосудов для переноса проклятия, ууу~ Мы сейчас умрем~ Как грустно! Я еще не успел жениться!

«Неужели это обман даоса? Или здесь что-то еще?»

Когда Бай Минси собирался спросить монаха подробнее, даос поднял свой посох, и ледяной мост протянулся к алтарю на другой стороне.

Несколько десятков жителей деревни подняли Мо Чжисюаня и остальных и, не проявляя никакой жалости, бросили их на алтарь.

<http://bllate.org/book/16920/1557860>